

Л.А. Бобров (Новосибирск)

**«ШИШАК МОСКОВСКИЙ, ШИШАК
ЛИТОВСКИЙ, ШИШАК КАЛМЫЦКИЙ...»
БОЕВЫЕ НАГОЛОВЬЯ РОССИЙСКИХ ВОИНОВ
В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI-го – XVII ВЕКЕ¹**

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ в отечественном научном сообществе наблюдается устойчивый рост интереса к комплексу вооружения, военной организации и тактике войск Московского государства XV–XVII вв. Большинство профильных исследований посвящены военному искусству служилых людей и казаков, действовавших на западных и юго-западных границах московской державы. Однако не меньший интерес представляет военное дело российских воинов, несших службу на бескрайних просторах Зауралья – в Сибири и на Дальнем Востоке. Как показали специальные исследования, оружейный комплекс и тактические приемы сибирских «землепроходцев» существенным образом отличались от вооружения и тактики воинов метрополии².

Доминирующий в массовом сознании образ русского воина-землепроходца в виде сурового бородатого мужика в папахе, тулупе, с пищалью в руке и саблей на боку сформирован под влиянием художественных произведений XIX–XX вв. и регулярно воспроизводится в учебниках, популярной и научно-популярной литературе. В то же время комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что этот хрестоматийный образ имеет мало общего с подлинным внешним видом казаков и служилых людей в Сибири конца XVI–XVII вв. В данной связи, важным направлением деятельности военных историков, археологов и оружейников является изучение комплекса вооружения, одежды и военного искусства

русских воинов в Сибири в эпоху освоения этого огромного и богатого края.

Одной из важных особенностей военного дела русских служилых в Зауралье было широкое использование защитного вооружения. Если в землях метрополии на протяжении XVII в. традиционный панцирный комплекс стремительно выходил из широкого военного обихода, то в ряде регионов Русской Сибири мы наблюдаем прямо противоположный процесс. Практически не использовавшие доспехов в ходе «западных» военных кампаний казаки и стрельцы, оказавшись в Сибири, пытались спешно обзавестись панцирями и шлемами, без которых они чувствовали себя уязвимыми в столкновениях с «многострельными», «копийными», «сбруйными» и «куяшными» аборигенами. Сочетание практики ввоза доспехов с территории Европейской России с массовыми закупками и конфискациями «пансырей добрых» и «куяков крепких» у сибирских народов позволило существенно увеличить количество панцирников в отрядах служилых. Если в Европейской России в рядах поместной конницы численность воинов, снабженных защитным вооружением, в XVII в. обычно не превышала 5 %, то в Сибири численность «пансырников» и «куяшников» в отдельных отрядах нередко доходила до 50–70 % и более от общего числа воинов. Причем, защитным вооружением были оснащены не только представители военной элиты («начальные люди», «дети боярские»), но и многие конные и пешие казаки, стрельцы, «литва», служилые татары и др.³

Комплекс защитного вооружения российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. был представлен корпусными панцирями (различных структур бронирования), боевыми наголовьями (шлемами и мисюрками), дополнительными защитными деталями (наручами, набедренниками, панцирными усилителями) и щитами. В настоящей статье рассмотрим шлемы российских воинов в Сибири, а также реконструируем внешний вид и особенности оформления некоторых боевых наголовий, хранящихся в музейных собраниях и частных коллекциях.

Судя по данным письменных материалов, боевые наголовья заменялись сибирскими служилыми несколько реже корпусных панцирей. В источниках упоминаются «шишаки», «шеломы», «шапки железные», «шапки мисюрские», привезенные в Сибирь из Европейской России. Некоторая часть наголовий ввозилась в регион в

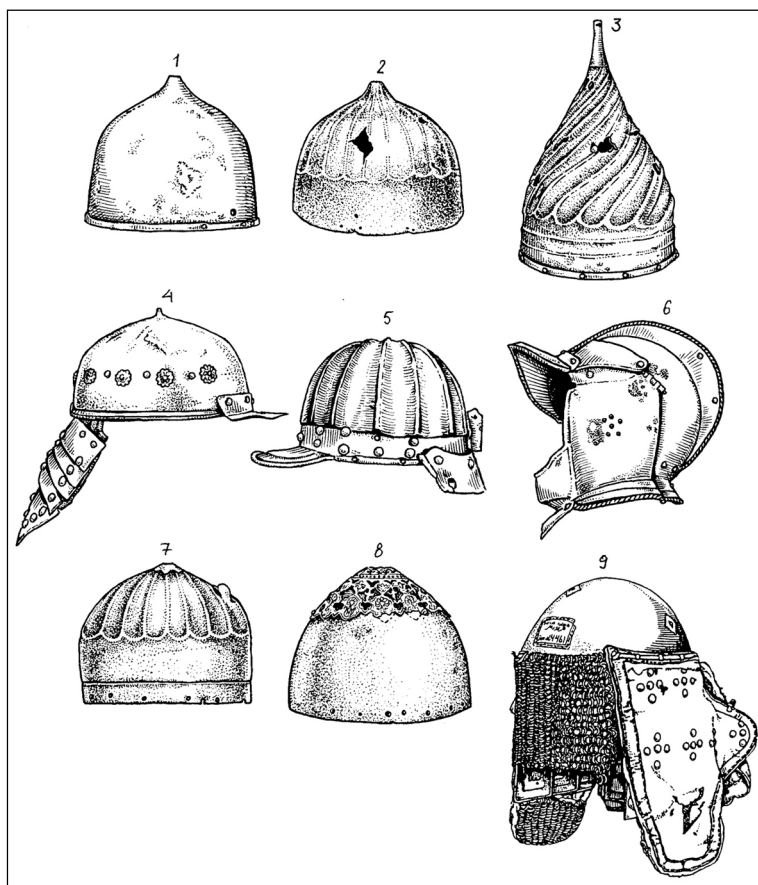
частном порядке и находилась у служилых на правах частной собственности. Однако, основная масса шлемов и мисюрков направлялась в Зауралье по указанию московских властей и поступала на хранение в арсеналы городов и острогов в качестве «государевой казны». Такие шлемы выдавались российским воинам для несения различных «государевых служб». Так, например, на отряд В. Шахова (41 чел.), отправленный из Западной Сибири на р. Лену в 1633 г., были выделены «восемь шишаков» и «семь шапок мисюрских», причем все воины были оснащены панцирями⁴. Корпус Я. Тухачевского, выступивший в 1639 г. против енисейских кыргызов, был оснащен сотней «лат с шишаками», присланными «из Москвы»⁵. На отряд В. Пояркова (132 чел.), направлявшегося на Амур в 1643 г., наряду с 70 якутскими куяками, 10 кольчатými «пансырями», десятком наручей («зарукавий») и комплектом кольчато-пластинчатых набедренников («наколенок») было выделено 17 шлемов⁶. В 1644 г. партия шлемов и панцирей была передана из Тобольского арсенала в литовскую роту ротмистра Д. Аршинского и голове Г. Грозину⁷. Годом позже из Верхоленского острожка служилым людям были выданы: «...из государевой казны куяки с наручами и шеломы и пансыри...»⁸ В 1647 г. в Тобольске хранилось «50 шеломов и шишаков»⁹.

Наряду с поставками боевых наголовий с территории Европейской России, служилыми приобретались в частном порядке и «имались в государеву казну» в ходе боевых действий и конфискации «шишаки», «шеломы», «шапки железные» татарского, шорского, кыргызского, монгольского, тунгусского, якутского и бурятского производства¹⁰. Сибирская администрация поощряла подобную практику. Еще в 1622 г. российские власти рекомендовали брать ясак с шорцев («кузнецких татар») «...шеломами, и рогатинами, и саблями»¹¹. Часть этих шлемов использовались сибирскими служилыми, а другие отправлялись в Москву в качестве образцов. Так, например, в 1655 г. кузнецкий воевода Баскаков, ссылаясь на царский указ «посылать ис Кузнецкого острогу к тебе государю ... к Москве шапки железные, которые шапки емлютца в твой государев ясак», отправил в государеву казну «тринадцать шапок железных простых на сукна не набиваны (т. е. без подшлемников. – Л. Б.), да 260 шапочных полиц (пластин. – Л. Б.), да 390 гвоздья железных (заклепок. – Л. Б.), чем набивают на ушки (бармицу. – Л. Б.) шапочные полицы». Согласно описи Оружейной Палаты Московского

Кремля, в ней в 1687 г. хранились: «Восемьдесят шесть шишаков колмыцких, шивных, наушники белого железа обложены сверху бархатом червчатым и зеленым и черным». По словам смотрителей, «уши и затылки этих шапок и шишаков обшивались цветным сукном или бархатом; в трубки вставлялись прапорцы из разноцветной тафты, расписанные по золоту красками»¹².

В музейных собраниях Сибири и частных сибирских коллекциях хранится не менее 11 шлемов, которые могут быть отнесены к комплексу вооружения служилых людей конца XVI–XVII вв. С некоторой долей условности, их можно разделить на шлемы «русского» и «европейского» типа. К первым относятся «шишаки» (5 экз.) и «шеломы» (2 экз.), выполненные в рамках западноазиатской военно-культурной традиции, господствовавшей в русском комплексе защитного вооружения в XVI в. и сохранившей определенное влияние на русский доспех в XVII в.¹³ К шлемам «европейского типа» (4 экз.) могут быть отнесены наголовья европейского производства или выполненные русскими мастерами по иностранным образцам.

Преобладающей разновидностью шлемов «русского типа» являются цельнокованные «шишаки» с низкой сфероконической тульей (4 экз.). Высота шлемов – 16–18 см, диаметр – 20–23 см. Шлем из КККМ (КККМ № 6641) был обнаружен на дудинском участке р. Енисей. Шишак (высота – 17 см, диаметр – 23 см) снабжен узким обручем вдоль нижнего края (рис. 1, 1). Вместе со шлемом была обнаружена кольчужная бармица, которая впоследствии была утеряна¹⁴. По всей видимости, бармица подвешивалась к металлическому пруту, закрепленному на шлеме с помощью фиксаторов, пропущенных через сквозные отверстия на височных сторонах тульи¹⁵. Два других шишака серии имеют схожие размеры и систему оформления. Дополнительные декоративные украшения встречаются лишь на наголовье из поселка Зеленый Яр¹⁶. Центральная и верхняя часть тульи данного шлема покрыты вертикальными каплевидными долами (рис. 1, 2). Судя по отверстиям в нижней части купола, шлем мог быть снабжен наушами или матерчатым подшлемником. Данный тип боевых наголовий был весьма популярен среди русских воинов эпохи позднего Средневековья¹⁷. Шишаки наиболее часто упоминаются в письменных источниках при описании боевых наголовий служилых в Сибири, а их изображения зафиксированы на рисунках Ремезовской летописи (рис. 2, 36, 38, 40).

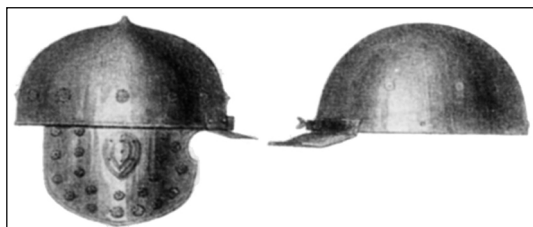
Рис. 1. Шлемы российских (1–6) и татарских (7–9) воинов с территории Сибири. ККМ (1); ТГИАМЗ (3, 8, 9); СОКМ (4); МАЭС ТГУ (5); АКМ (6); УрФУ (7)

Промежуточное положение между шлемами «русского» и «европейского» типа занимает шишак из числа случайных находок с территории Республики Саха (Якутия). Шлем имеет полусферическую тулью (высота – 17 см, диаметр – 20 см), к наlobной части которой приклепан простой козырек с отверстием для стрелки-наносника. Наличие небольших сквозных отверстий на макушечной, височных и затылочной частях шлема указывает на то, что

Рис. 2. Изображения воинов в доспехах и защитного вооружения на рисунках Ремезовской летописи, нагрудник кирасы с набедренником из АКМ (46)

первоначально он был снабжен наверхием, наушами и назатыльником «русского» или «европейского» образца. Однако впоследствии мог носиться и без этих элементов. Ближайшим аналогом шлема из Якутии является шишак из арсенала Кирилло-Белозерского монастыря¹⁸. Интересно, что подшлемник наголовья из монастырского собрания крепился к тулье заклепками с латунными шляпками (рис. 3).

**Рис. 3. Шишаки из арсенала Кирилло-Белозерского монастыря.
Фрагмент рис. из альбома К.М. Бороздина**

«Шеломы» представлены в рассматриваемой серии двумя экземплярами. От «шишаков» они отличаются высокой объемной тульей с вытянутым наверхием. Шлем из ТГИАМЗ имеет «ложчатую» (покрытую витыми желобками) тулью, узкий выпуклый обруч по нижнему краю и длинное наверхие (рис. 1, 3). Поверхность шелома из частной коллекции гладкая, а наверхие сохранилось фрагментарно. Шеломы являлись популярным типом боевых наголовий русской поместной конницы XVI в. Упоминания о них среди вооружения сибирских служилых XVII в. единичны. Возможно, шеломы в Сибири носили командиры воинских соединений и «начальные люди». На рисунках Ремезовской летописи с шеломами могут быть соотнесены некоторые высокие шлемы цилиндроконической и сфероконической формы (рис. 2, 37, 39, 41).

Шлемы «европейского типа» представлены «рейтарскими» шишаками и «бургиньотами».

Наиболее близок к русским шишакам шлем, происходящий из Далматовского Успенского монастыря, хранящийся в настоящее время в СОКМ (рис. 1, 4) и впервые опубликованный в статье А.П. Зыкова и Л.П. Маньковой¹⁹. Низкая сфероконическая тулья шлема (высота – 14,5 см, диаметр – 22 см) напоминает купола русских шишаков. Вдоль нижней кромки тульи пропущен выпуклый

бортик. К налобной части шлема приклепан козырек (ширина в центральной части – 4,7 см, по бокам – 3 см) с отверстием для наносника-стрелки. Шишак был снабжен мягким подшлемником, который фиксировался заклепками с орнаментированными латунными шляпками с фестончатым краем. Назатыльник шлема западноевропейского образца («рачий хвост») выполнен из 5 пластин: четырех прямоугольных (16,5–18,5 на 2–3,5 см) и нижней трапециевидной (16 на 8,5 см), соединенных с органической подкладкой заклепками с латунными шляпками. Шлем был снабжен наушами, которые не сохранились.

В настоящее время нам известно о восьми шлемах, конструкция и оформление которых аналогичны шлему из СОКМ, что указывает на наличие массового поточного производства данной разновидности боевых наголовий. Большая часть шлемов серии хранится в музейных и частных собраниях России. Наличие многочисленных аналогов позволяет достаточно точно реконструировать первоначальный вид шишака из Далматовского Успенского монастыря (рис. 4, 1). Прежде всего, необходимо отметить позднейшие добавления, к числу которых относятся простые железные заклепки по центру щитка козырька и на тулье шлема. Пара центральных заклепанных отверстий на щитке козырька первоначально служили

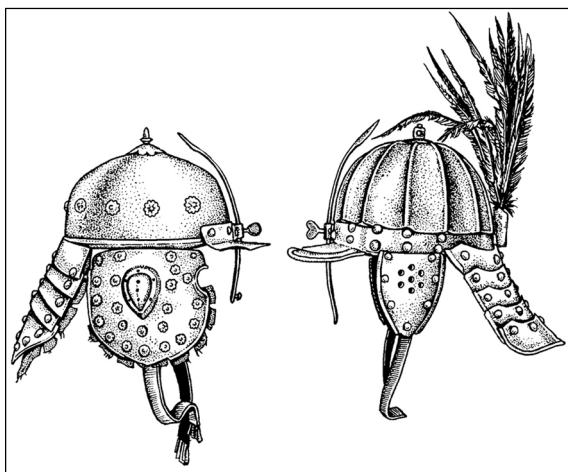

Рис. 4. Художественная научно-историческая реконструкция шишаков XVII в. из СОКМ (слева) и МАЭС ТГУ. Рис. Л.А. Боброва

для крепления обоймицы подвижного наносника-стрелки. Матерчатый подшлемник, подкладка наушей и назатыльника на шлемах рассматриваемого типа крепились к металлической основе с помощью специальных заклепок с орнаментированными латунными шляпками²⁰. Не исключено, что такими же заклепками первоначально был прибит к тулье и вертикальный щиток козырька. По европейской моде первой половины XVII в. края матерчатых подкладок могли выходить за пределы наушей и назатыльника и оформляться декоративными фестонами полукруглой или трапециевидной формы²¹.

Наиболее ярким элементом оформления шлемов серии были очень широкие и массивные уши, прикрывавшие щеки, уши и скулы воина²². Их форму и конструкцию можно с высокой степенью достоверности восстановить по аналогичному шлему из Артиллерийского музея и наголовьям из других собраний²³. Уши представляли собой широкую заостренную книзу пластину с бортиком по периметру и небольшим полукруглым вырезом на лицевой стороне. Примерно по центру уха располагалась каплевидная выпуклость со сквозными слуховыми отверстиями. Уши, как и назатыльник, были снабжены матерчатой подкладкой, которая фиксировалась заклепками с латунными шляпками (рис. 3). С помощью парных кожаных ремешков уши подвешивались непосредственно к тулье шлема или пришивались к подшлемнику (как в данном случае). При обоих вариантах крепления ушей мог подвешиваться встык (рис. 4) или заходить своим верхним краем под нижний край тульи (рис. 3). Макушечная часть шишака из СОКМ снабжена сквозным отверстием. Последнее могло служить для крепления навершия, состоявшего из округлой пластины-основания с ровным или фестончатым краем и короткого острия с «яблоком» или без него (рис. 4, 1).

Вопрос о месте изготовления шлема из СОКМ остается открытым. Назатыльник «рачий хвост» и заклепки с орнаментированными латунными шляпками характерны для европейских боевых наголовий конца XVI–XVII вв.²⁴ Однако известно, что в первой половине XVII в. в России было организовано массовое производство «лат и шишаков» европейского образца, которые поступали на вооружение солдат и рейтар полков «нового строя». Многочисленность подобных шлемов в отечественных собраниях может свидетельствовать в пользу того, что рассматриваемый шишак был

изготовлен на территории Московского государства по европейскому образцу. Популярность данного типа наголовий среди русских воинов была, вероятно, обусловлена их типологической близостью к привычным «московским» шишкам. Согласно легенде, рассматриваемый шлем был передан в Далматовский монастырь тюменским ясачным татаринном Илигеем. Проанализировавшие шлем А.П. Зыков и И.Л. Манькова пришли к выводу, что его появление в монастыре связано с тобольскими рейтарами, которые неоднократно посещали Далматовскую обитель в ходе Башкирского восстания 1662–1667 гг.²⁵ Данная версия представляется весьма реалистичной. Однако, на наш взгляд, нельзя полностью исключать и вариант, что шлем и хранившаяся вместе с ним кольчуга были переданы в монастырь представителями традиционных категорий служилых людей, так как известно, что предметы защитного вооружения «европейского образца» применялись на территории региона уже в первой половине XVII в., а «латы» и «шишаки» европейского образца передавались для несения «государевых служб» другим категориям служилых.

С комплексом вооружения рейтар может быть соотнесен шлем из МАЭС ТГУ (рис. 1, 5). Полусферическая тулья шлема (высота – 15,5 см, диаметр 23,9–20,3 см) склепана из двух половин, соединительный шов на внешней стороне купола шлема выгнут в виде невысокого остроконечного ребра. Такие же ребра жесткости покрывают и пластины тульи. Нижний край купола шлема снабжен выпуклым бортиком (ширина – 0,5 см) с парными отверстиями на височных частях тульи и рядом заклепок, служивших для крепления подшлемника. На макушке шлема имеется небольшое отверстие округлой формы. Лицевая часть пластин тульи выгнута в виде широкого пятиугольного козырька (длина козырька – 25 см, ширина по бокам – 5,2 см, в центральной части – 7 см) с отверстием для наносника-«стрелки». К затылочной части шлема приклепана коническая трубка-втулка для плюмажа (длина – 5,8 см, диаметр отверстия – 1,8 см) и пластинчатый назатыльник «рачий хвост», сохранившийся фрагментарно. Элементы назатыльника соединяются между собой с помощью заклепок с полусферическими шляпками. Наличие многочисленных аналогов из музейных собраний России (рис. 5; 6), стран Восточной, Центральной и Западной Европы позволяют надежно атрибутировать и датировать шлем из МАЭС ТГУ. Данный экземпляр относится к числу рейтарских

боевых наголовий. Он был изготовлен европейскими или российскими оружейниками в XVII в. Судя по целиком сохранившимся экземплярам, рейтарский шлем из МАЭС ТГУ изначально мог быть снабжен наносником-«стрелкой», слабовыпуклой пластиной наверху с коротким декоративным острием или петлей, парой небольших пластинчатых наушей подтреугольной или вырезной формы и назатыльником «рачий хвост» (рис. 4, 2). Маловероятно, что шлем сохранил аутентичный плюмаж европейского образца.

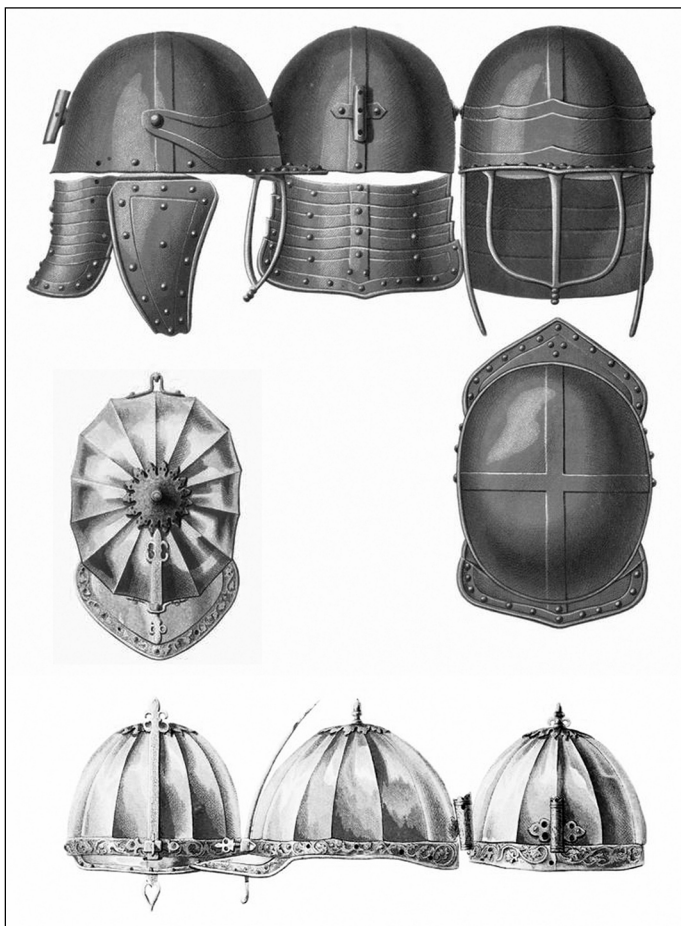

Рис. 5. Шишаки из ОПМК. Рис. Ф.Г. Солнцева

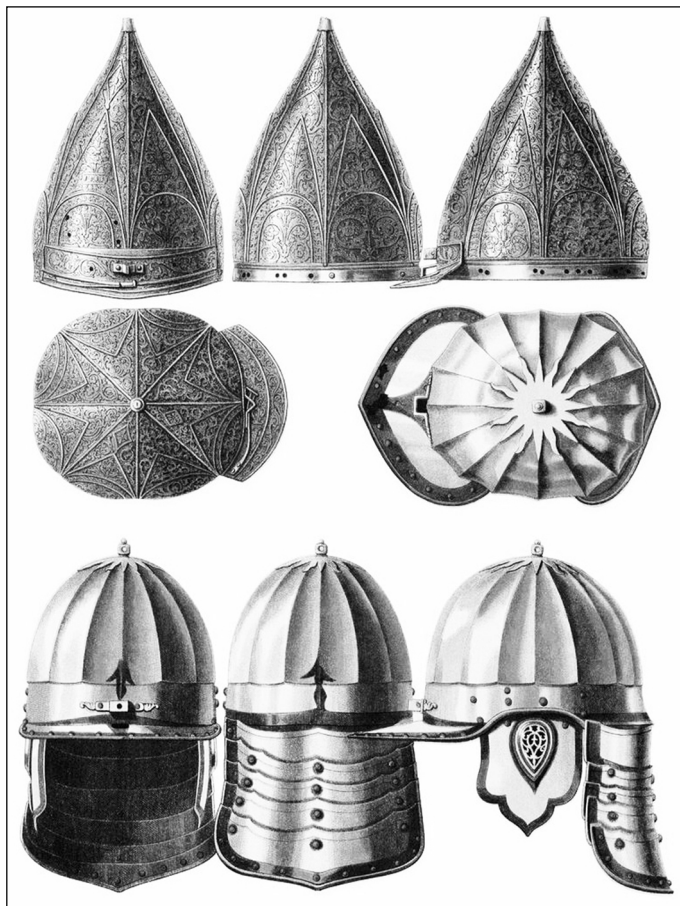

Рис. 6. Шелом (вверху) и шишак из ОПМК. Рис. Ф.Г. Солнцева

Скорее всего, во втулку на затылке вставлялся султан, составленный из перьев сибирских птиц.

Последние два шлема рассматриваемой «европейской» серии относятся к «бургиньотам» (нем. «штурмхаубе»). Один из них хранится в фондах Ачинского Краеведческого музея, а второй был обнаружен на территории Тюменской обл. и в настоящее время находится в частной коллекции. Шлем из АКМ имеет полусферическую тулью, украшенную высоким уплощенным гребнем (общая

высота шлема – 21 см, в том числе гребень – 5,2 см; диаметр шлема – 18 см). К лицевой части шлема приклепан подвижный налобник с характерным загнутым вверх козырьком (рис. 1, 6). В случае необходимости налобник поднимается вверх наподобие забрала. Свободное движение налобника вдоль гребня обеспечивает специальная вертикальная прорезь. Шлем снабжен пластинчатым пятиугольным назатыльником и широкими фигурными нащечниками²⁶ со сквозными отверстиями, которые крепятся к куполу шлема с помощью специальных шарниров. Вдоль края козырька, гребня, нащечников и назатыльника пропущен выпуклый бортик, покрытый мелкой насечкой. У шлема из частной коллекции загнутый вверх козырек составляет единое целое с куполом шлема, а налобник отсутствует. Пик популярности «бургиньотов» в Европе пришелся на вторую половину XVI в. В этот период они широко применялись в Германии, Польше и Скандинавии. В руки русских воинов они могли попасть как трофеи в ходе Ливонской войны. В Сибирь шлемы, были, вероятно, привезены русскими казаками, «литвой» или «немцами» из числа служилых людей в конце XVI – первой половине XVII вв. Возможно, что иллюстрировавший Ремезовскую летопись художник подразумевал под «иноземными» шлемами с полусферической тульей, нащечниками и забралом именно «бургиньоты» (рис. 2, 12, 14). В описях сибирских городов упомянуты шлемы европейского типа, обозначенные как «шишаки» и «шапки литовские».

На рисунках Ремезовской летописи очень часто встречаются низкие полусферические и сфероконические шлемы с забралами, или козырьками. Они существенно отличаются от классических «шишаков» и «шеломов» русского образца, что позволяет исследователям соотносить их с боевыми наголовьями «европейского типа» (рис. 2, 2, 5–21, 25, 34). Еще одна большая группа шлемов представлена сфероконическими наголовьями с полями (рис. 2, 22–24, 26). Если мы имеем дело не с прорисовкой архаичных «колпаков» с полями, то не стоит исключать возможность, что таким образом художник мог изобразить европейские морионы и кабассеты. Данные типы шлемов еще не зафиксированы на территории Сибири, однако их применяли солдаты полков «нового строя» в европейской части России. Железные шлемы с полями изображены и на головах московских стрельцов или солдат на картине из книги «Венчание на царство Михаила Федоровича» (выполнены в 70-х гг. XVII в.).

Выше уже отмечалось, что наряду с русскими и европейскими шлемами сибирские служилые могли носить шлемы сибирских и центральноазиатских народов. Боевые наголовья сибирских татар, ойратов, телеутов, енисейских кыргызов, бурят и др. были подробно рассмотрены нами в серии специальных работ²⁷. Здесь же отметим, что сибирские татары носили цельнокованные шлемы полусферической и сфероконической формы, снабженные кольчатými и

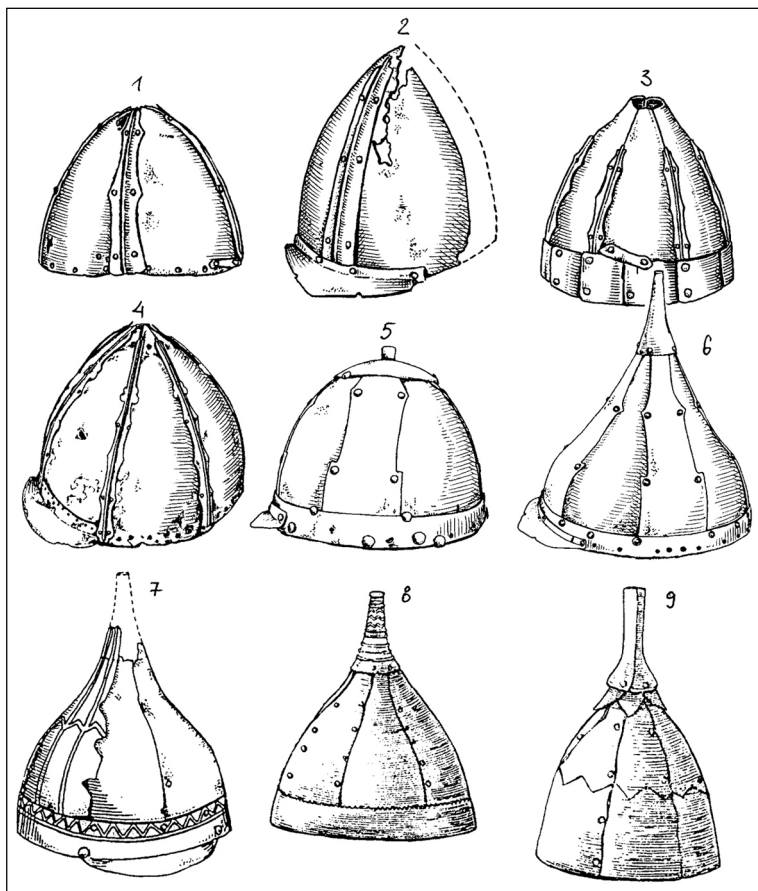

Рис. 7. Шлемы воинов народов Южной (1–7) и Восточной (8, 9) Сибири эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. МРКМ (1, 2, 4); ММШ РБ (5); МИРБ (6); ЕКМ (7)

комбинированными бармицами (рис. 1, 7–9). Среди тюркских кочевников Южной Сибири, ойратов и монголов преобладали клепаные наголовья, составленные из 4–8 пластин, стыки которых прикрывали специальные накладки с зубчатым или ровным краем (рис. 7, 1–7). Частым элементом оформления были козырьки (простые и «коробчатые»), обручи, а также трехчастные пластинчато-нашивные бармицы²⁸. Якутские шлемы клепались из нескольких пластин-секторов, стягивались обручем и венчались коническим навершием (рис. 7, 8, 9).

Наряду со шлемами, письменные источники фиксируют факты применения русскими служилыми людьми в Сибири мисюрок. Так, например, воинам отряда В. Шахова в 1633 г. из «государевой казны» Тобольска было выдано 7 «шапок мисюрских». В музейных собраниях Сибири хранится не менее 9 мисюрок, однако ни одна из них не может быть уверенно отнесена к числу русских предметов вооружения. Скорее всего, мисюрки русских служилых в Зауралье, как и их аналоги из Европейской России, Средней и Центральной Азии, состояли из уплощенного или полусферического «наплешника» и кольчатой бармицы, прикрывавшей шею и верхнюю часть лица воина.

Анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что состав боевых наголовий, применявшихся служилыми людьми в Сибири в конце XVI–XVII вв., был весьма представительен и разнообразен. Традиционные русские «шишаки», «шеломы» и мисюрки соседствовали со шлемами центрально- и западноевропейского образца. Отличительной особенностью боевых наголовий сибирских служилых, по сравнению с русскими воинами европейской части страны, было использование клепаных шорских, ойратских, кыргызских и бурятских шлемов, выполненных в рамках центральноазиатской военно-культурной традиции.

Список сокращений

АКМ – Ачинский краеведческий музей.

ЕКМ – Енисейский краеведческий музей.

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири, Томский государственный университет.

МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова.

МИРБ – Музей истории Республики Бурятия.

ММШ РБ – Музей Мондинской средней общеобразовательной школы Тункинского района Республики Бурятия.

ОПМК – Оружейная Палата Московского Кремля.

УрФУ – Уральский федеральный университет.

СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей.

ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН». Публикация осуществлена в рамках Задания № 2014/139 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

² Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. Вооружение и военная организация: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. Гос. ун-т, 2012; Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в. СПб.: Нестор-История, 2013.

³ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 51–62.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2010. С. 335.

⁶ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 59.

⁷ Пузанов В.Д. Указ. соч. С. 123.

⁸ Багрин Е.А. Указ. соч. С. 121.

⁹ Там же.

¹⁰ Бобров Л.А. Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI–XVII вв.) // Para-Bellum. Военно-ист. журн. 2006. № 26. С. 77–98; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 54–57.

¹¹ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 54.

¹² Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2008. С. 463, 464.

¹³ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 110, 111.

¹⁴ Бобров Л.А. Позднесредневековые шлемы из музеев Красноярского края // Военное дело nomadов Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. Гос. ун-та, 2002. С. 92, 93.

¹⁵ Там же. С. 95, рис. 1, 10.

- ¹⁶ Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 1. С. 93.
- ¹⁷ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 77. С. 151, 158; Бобров Л.А. Позднесредневековые шлемы из музеев Красноярского края. С. 92–94.
- ¹⁸ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ¹⁹ Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург, 2000. С. 315–332.
- ²⁰ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметьева. СПб., 1895. Табл. VI, рис. 180–182; Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ²¹ Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! // Армии и битвы. 2006. № 5. С. 29; Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. 1. СПб.: Атлант, 2009. С. 126.
- ²² Ленц Э. Указ. соч. Табл. VI, рис. 181; Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ²³ Ленц Э. Указ. соч. Табл. VI, рис. 181; Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Указ. соч. С. 151, рис. 9.
- ²⁴ Ефимов С.В., Рымша С.С. Указ. соч. С. 126–128, 130, 134, 135.
- ²⁵ Зыков А.П., Манькова И.Л. Указ. соч. С. 323–329.
- ²⁶ Сохранился только левый нашечник.
- ²⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 416–478; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.; Бобров Л.А., Мясников В.Ю. Позднесредневековые шлемы из музейных собраний Республики Бурятия // Вестник НГУ. Новосибирск, 2009. Т. 8. Вып. 5. С. 235–244; Бобров Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI–XVII вв. // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 106–120.
- ²⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 416–478.